

*Посвящается Алисе Мартелл —
с благодарностью за ее талант, преданность,
мудрость и бесконечную доброту*

Глава 1

Он надел лучший костюм, в котором обычно появлялся только на похоронах.

На ней был жемчуг. С ним она больше чувствовала себя матерью.

Взявшись за руки, они пошли по бетонной дорожке к Управлению социальной службы долины Шенандоа, отделения которого занимали унылое здание с облицованными металлом стенами. Ни зелени, ни украшений — ни единой попытки сделать прилегающую территорию более привлекательной. Как и у любого подобного учреждения округа, у социальных служб не было ни средств, ни желания заниматься облагораживанием. Сюда ведь по своей воле не приходят.

Мужчина остановился у входной двери:

— Помни: мы идеальны, — обратился он к жене.

— Идеальная пара, — отозвалась она.

Он толкнул дверь, и они прошли по мрачному коридору, выложенному из шлакоблоков, к приемной. На глаза попался знак «ОРУЖИЕ ЗАПРЕЩЕНО».

Вскоре они оказались в помещении с расставленными по периметру синими стульями из искусственной кожи и стенами, увешанным грозными предостережениями о фальшивых продуктовых талонах. Группка по-

сетителей, которым «повезло» родиться в семьях, поколениями живших в нищете, уставилась на супругов. Жемчуга и костюмы были здесь редкостью.

Не обращая на них внимания, мужчина и женщина пересекли комнату и представились администратору, затаившейся за толстой глыбой прозрачного пластика. Не самая легкая работа: выплачивать пособия, отклонять запросы, распределять детей, жертв насилия, и беспризорников, забирать их из одних семей и отдавать в другие. Тут всякое случается. Вскоре к супругам вышла назначенный им специалист по делам семьи, женщина с тугим конским хвостом на голове и в очках в квадратной оправе. Обратившись к ним по именам, она тепло, с улыбками и объятиями поприветствовала их.

Нынешний прием разительно отличался от их предыдущей встречи около трех месяцев назад: тогда всё ограничилось сухими рукопожатиями и объяснимым недоверием. Без повода подобные семьи не обращались в социальные службы долины Шенандоа и не вызывались стать приемными родителями. Подобные семьи — со средствами, связями; одним своим видом создававшие впечатление, что не привыкли долго ждать желаемого, — либо обращались в частные агентства по усыновлению, либо сами уезжали за границу: в Восточную Европу, если хотели усыновить белого ребенка, в Африку, Азию или Южную Америку, если им было все равно.

«Серьезно? — хотела спросить их специалист по делам семьи. — Как вы здесь оказались?»

Но в ходе беседы супруги добились ее расположения. Рассказали о неудачных попытках забеременеть, затем о тестах, которые показали, что они никогда не смогут иметь собственных детей.

Они всё еще не теряли надежды и решили усыновить местного ребенка. Зачем ездить за границу, когда прямо здесь, в двух шагах, многие дети нуждались в помощи? Они искали того, кому была бы нужна их любовь.

Сотрудница социальной службы пыталась объяснить им, что здесь не было никаких гарантий. Могут пройти месяцы или годы, прежде чем найдется ребенок, которого они смогут усыновить. И даже в этом случае есть вероятность, что после какого-то времени, потраченного на воспитание ребенка, им придется вернуть его родной матери. Усыновление всегда было крайним средством. Для социальных служб — не говоря уже о законах штата Вирджиния — всегда предпочтительнее воссоединение детей с их биологическими родителями.

Услышав это, женщина принялась грызть ногти. Мужчина же ничуть не смутился.

После этого собеседования последовали ознакомительное родительское собрание, а затем учебные занятия. Супруги делали заметки, задавали вопросы и в целом вели себя так, будто пытались стать лучшими учениками в классе.

При осмотре их дома проверили каждый уголок — всё было безупречно: начиная от детских замков и заканчивая детекторами дыма.

А детская? Идеальная. Кровать превосходила все требования. Подгузники были сложены аккуратными стопками. А стены недавно перекрасили в синий.

— Синий? — поинтересовалась специалист по делам семьи. — А что, если окажется девочка?

— У меня предчувствие, — ответил мужчина.

Они прошли проверку на отсутствие уголовной судимости. Расчетные листки подтверждали высокие до-

ходы. Банковские выписки демонстрировали рост резервных фондов.

Страхование жилья — есть. Автострахование — есть. Страхование жизни — есть. Врач подтвердил, что будущие мать и отец совершенно здоровы. Блестящие рекомендации.

За тринадцать лет работы специалист по семейным делам общалась с сотнями семей. Даже у лучших, самых любящих, самых добрых из них были свои проблемы.

У всех были недостатки, кроме этой семьи. Она никогда не встречала пару, настолько готовую к тому, чтобы завести ребенка.

Они были идеальной парой.

Официально социальные службы в долине Шенандоа не ранжировали потенциальных приемных родителей, но был ли вопрос, кто будет первым в очереди, если появится подходящий ребенок?

Даже сейчас супруги держались так, словно присутствовали на важной публичной церемонии, хотя на самом деле они пришли в убогий кабинетик, в котором не было даже окон, чтобы получить одну-единственную бумажку. Это был сертификат, подтверждающий, что они выполнили все необходимые процедуры, чтобы занять свое место среди других желающих стать приемными родителями.

Они сияли, когда им вручили сертификат. Теперь делу был дан законный ход.

И снова объятия. Снова улыбки. Администратор вышла из своего укрытия, чтобы сфотографировать их — такой важный для пары момент заслуживал снимка.

Затем они ушли.

— Что, если всё это было затеяно напрасно? — спросила женщина, выходя из здания.

— Такого не будет, — заверил ее мужчина.

— Ты действительно думаешь, что всё получится?

Он наклонился к ней:

— Не переживай, — сказал он. — Совсем скоро у нас будет ребенок.

Глава 2

Если вы, как и я, работающая мать, то знаете, насколько очевидна эта истина: хорошие няни — которые внушают доверие и берут не дорого — встречаются реже, чем безупречные алмазы, а по ценности по крайней мере вдвое их превосходят. Они словно соединительная ткань, без которой все разваливается, кислород в легких, жизненно важный витамин, который делает движение возможным.

С другой стороны, без хорошей няни, особенно в случае с младенцем, и всё остальное выходит из строя. Потерять няню, особенно когда у тебя на руках младенец, — это все равно что стать парализованным.

И эту катастрофу я пыталась предотвратить во вторник вечером в начале марта, когда неслась к дому Иды Фернклифф, одним глазом следя за дорогой, а другим глядя на часы, стрелки которых зловеще приближались к шести вечера.

Миссис Фернклифф присматривала за нашим трехмесячным Алексом с тех пор, как он отправился в ясли, когда ему было шесть недель. В обращении с детьми и младенцами она проявляла магические способности Гарри Поттера: терпелива и добра, заботлива и спокойна, невозмутима в любой ситуации.

Со взрослыми же она превращалась в Волдеморта. Мой муж Бен называл ее Кайзер, как кайзера Виль-

гельма¹. И не только из-за ее усиков. У нее были свои правила, которым она следовала с немецкой педантичностью, ожидая того же от других.

Одно из таких правил — детей нужно забирать к половине шестого, не позже. Она разрешала опоздания на пятнадцать минут, хотя столь великодушную поблажку миссис Фернклифф даровала, поджав губы и испепеляя взглядом. По истечении этого времени она штрафовала на двадцать долларов и доллар сверху за каждую последующую минуту.

Приезд после шести был поводом расторгнуть договор. И мы подписались под этим: я, Мелани А. Баррик, и мой муж, Бенджамин Дж. Баррик. И миссис Фернклифф ясно дала понять, что она не колеблясь воспользуется этим пунктом договора, когда я трижды задерживалась из-за своего жалкого сменщика Уоррена Плотца — каждый раз он опаздывал больше, чем на полчаса, и из-за него я потом неслась как угорелая и приезжала в 5:52, 5:47 и 5:58 соответственно.

Жалобы на вечно опаздывавшего Уоррена ни к чему не привели. Видимо, будучи сыном владельца компании, он считал, что имеет право вытирать о других ноги. Я могла бы просто не задерживаться независимо от того, приходил ли он вовремя или нет, если бы не первое правило «Даймонд Тракинг», согласно которому диспетчерский пункт — путеводная нить для колесящих по стране сорока шести фур со свежими продуктами, должен бесперебойно работать двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

---

¹ Вильгельм II — последний германский император и король Пруссии. Царствование Вильгельма было ознаменовано усилением роли Германии как мировой промышленной, военной и колониальной державы и завершением Первой мировой войны, поражение в которой привело к свержению монархии в ходе Ноябрьской революции. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

А я просто не могла позволить себе потерять эту работу. Мне платили восемнадцать долларов в час и не требовали ни цента за медицинскую страховку — привилегия, стоившая того, она включала бесплатный детский осмотр — особенно сейчас, когда у нас появился Алекс.

Безусловно, работать диспетчером грузовой компании в тридцать один год совсем не то, чем я ожидала заниматься, когда выпустилась из Университета Вирджинии с отличием и надеждой заниматься значимой работой в какой-нибудь социально ответственной организации.

Но мои благородные порывы неожиданно столкнулись с реалиями выпускного 2009 года — самого ужасного в истории современной Америки для тех, кто только вышел на рынок труда. К тому же положение усугубляла степень по английской литературе, означавшая, что я красноречива, учтива — а значит, никому из работодателей не нужна.

Потребовались пять лет и тысяча безуспешных сопроводительных писем к откликам на вакансии — пять лет, в течение которых безработица перемежалась с подачей латте в «Старбаксе» — прежде чем я получила эту работенку. И я не собиралась бросать ее, пусть даже из-за вечных опозданий Уоррена Плотца мне бы еженедельно грозили приступы стенокардии.

На часах было 5:54, когда я подъехала к светофору на бульваре Статлер, полукругом опоясывающем восточную сторону Стонтона, старомодного городка с населением около двадцати пяти тысяч человек в долине Шенандоа в Вирджинии. В основном мне нравилось неторопливое течение жизни Стонтона, если это не касалось водителей, оставлявших перед собой промежутки длиной в шесть машин, что вынуждало меня петлять по дорожным полосам, обходя их.

По горькому опыту я знала, что от Статлера до дома миссис Фернклифф ровно шесть минут езды. Значит, если я стою на светофоре в 5:54, то успеваю. Но едва-едва.

Когда до светофора оставалось около сотни ярдов, загорелся желтый. Сколько я буду ждать, пока загорится зеленый, было, наверное, известно только богам, ведающим хронометражем Вселенной. Если я остановлюсь, то наверняка не успею вовремя. Миссис Фернклифф откажет нам, и потом долго придется искать новую няньку.

А это, я уже знала, дело пропащее. Бен был аспирантом с жалкой стипендией — выросший в Алабаме бедный чернокожий вряд ли мог рассчитывать на семейную поддержку, — поэтому какой-нибудь новомодный центр ухода за детьми, обещавший, что к трем годам ребенок овладеет квантовой физикой, нам был не по карману. Нам оставались только детские сады на дому, большинством которых, казалось, заправляли заядлые курильщики, рассеянные прабабушки или люди, не видевшие ничего страшного, если ребенок случайно вдохнет свинцовые опилки.

Я нажала на газ. Свет сменился на красный буквально за наносекунды, прежде чем я пересекла сплошную белую линию.

Да и черт с ним. Успела же. Я тяжело выдохнула.

В зеркале заднего вида я увидела мигающие синие огни полицейской машины Стонтонна.

Штраф за нарушение правил дорожного движения — и через двадцать три минуты я в полном бешенстве въехала на короткую подъездную дорожку миссис Фернклифф. Схватив квитанцию с надеждой пробудить ей снисходительность Кайзера, я взбежала по ступенькам и схватилась за ручку входной двери.

Закрыто.

Странно. Обычно миссис Фернклифф оставляла дверь открытой. Ей не хотелось отвлекаться на посетителей и оставлять детей без присмотра.

Я нажала кнопку дверного звонка и стала ждать. Пятнадцать секунд. Тридцать секунд. Я снова нажала кнопку.

— Миссис Фернклифф, это Мелани Баррик, — громко сказала я, зная, что она дома и просто злится на меня. — Извините, я опоздала. Меня снова задержали на работе, и по дороге сюда я так торопилась, что меня остановила полиция. И... Я позвонила бы, но не смогла найти свой телефон.

Господи, как жалко звучали мои оправдания. Не могу сказать, что я худшая мать из всех — мои собственные родители, которые отдали меня на усыновление в девять лет, уже давно закрепили свои права на этот титул — но, похоже, я успешно стремилась к тому же.

— Простите меня, хорошо? — продолжила я. — Мне очень, очень жаль. Не могли бы вы открыть дверь?

Ответа по-прежнему не было. Может быть, она просто собирала вещи Алекса, чтобы бросить мне их в лицо вместе с ребенком.

И договором с выделенным условием приезжать до шести часов.

Выждав минуту на крыльце — интересно, обойдется ли мне это еще в один доллар? — я слегка разозлилась. Сколько она намерена отмалчиваться? Я постучала в дверь костяшками пальцев.

— Миссис Фернклифф, *пожалуйста*, — умоляла я. — Извините за опоздание. Правда, я сильно задержалась. Простите, я ужасная мать. Простите за все.

И по-прежнему никакого ответа.

Наконец из-за двери послышался строгий голос миссис Фернклифф: